

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.16'04:94(470.341) + 811.16'373.6

А. К. Шапошников

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
possidima@gmail.com

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ ТОПОНИМИЯ НОВГОРОДА

Рец. на: *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с. (1 150 лет российской государственности).

В публикации анализируется монография В. Л. Васильева «Славянские топонимические древности Новгородской земли», посвященная проблемам структурной типологии, этимологизации и этноисторической интерпретации древненовгородских географических названий.

Автор оценивает рецензируемую работу как концептуально насыщенную, глубокую, отличающуюся богатством ономастического материала, методическим мастерством, многосторонностью и точностью аргументации этимологий. В рецензии отмечается, что одним из наиболее значимых результатов исследования В. Л. Васильева является реконструкция и систематизация большого числа антропонимов, бытовавших в регионе Новгородской земли до конца древнерусского периода и позднее забытых. По общему мнению автора монографии и рецензента, именно архаичная деантропонимная топонимия — в сравнении с отапеллятивной — дает наиболее надежную основу как для обобщенной хронологизации, так и для этноисторической интерпретации языковых стратов.

Высоко оценивая типологическую аргументацию этимологических решений В. Л. Васильева, рецензент все же неоднократно обращает внимание на возможность дополнения внутриславянских глосс иными языковыми параллелями — германскими (для названий на *-мир-/мер-*, *Оне-/Оно-*), кельтскими (для топоосновы *Велынь*, *Волынь*), иранскими (для названия *Хилово*), балтийскими (для топоосновы *Водос-*) и др. Автор рецензии предлагает альтернативные мотивационные и этимологические решения для названий

Будогощь, Ждажерино, Имоволоже, Сеславль, Уторгош, Хуба, Часловица, Чеслове и др.

Ключевые слова: русский язык, Новгородская земля, древненовгородская топонимия, славянская топонимическая архаика, топонимическая этимология.

Сообщество отечественных и зарубежных русистов и славистов можно поздравить с выходом в свет великолепной монографии профессора В. Л. Васильева. Для меня эта книга стала настоящим новогодним подарком, за что спешу выразить особую признательность автору.

Монография подразделяется на Предисловие; Введение; Главу 1 «Проблематика изучения славянской топонимической архаики»; Главу 2 «Йотово-посессивная топонимия на базе личных имен»; Главу 3 «Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами *-гощ/-гост-*»; Главу 4 «Деантропонимная топонимия на *-ичи/-ицы, -ица, -ец*»; Главу 5 «Архаичная топонимия с *-ов/-ев, -ин*-суффиксацией»; Главу 6 «Топонимия, равная личным именам»; Главу 7 «Очерки деапеллятивной топонимической архаики (анализ топооснов)»; Главу 8 «Деапеллятивные топонимы-архаизмы в рамках редких структурных моделей»; Главу 9 «Некоторые аспекты славяно-балтийского пересечения»; Главу 10 «Итоги лингвистического анализа славянской топонимической архаики Новгородской земли».

Монография снабжена основательным научным аппаратом, библиографией источников и литературы, списком принятых сокращений, картами, топонимическим индексом.

Несмотря на большой объем, пользоваться книгой удобно и приятно благодаря продуманному вспомогательному научному аппарату. Приятно и само чтение, так как хорошо структурированный текст написан на добротном русском языке. Автор выражается всегда ясно, определено, без излишней заумной туманности и злоупотребления специфической терминологией. После прочтения одного раздела любопытно узнать, что же будет в следующем.

В целом монография оценивается как по-настоящему зрелый труд. То и дело замечаешь, насколько мастерски автор пользуется разнообразным методическим инвентарем, поистине достигая высокого уровня «методической изощренности» (если припомнить изречение Х. Бирнбаума). Работа отличается концептуальной насыщенностью, глубокими и остроумными сопоставлениями, тонкими находками, неожиданными решениями, богатством и точностью языкового, ономастического материала, богатством ономасиологической аргументации.

Никакие частные замечания или дополнения не умаляют высокого качества рассматриваемого труда в целом и в частности. С искренней признательностью автору поделюсь с читателями этой книги своими заметками на ее полях, появившимися в результате сплошного чтения.

С. 16. Напрасно археологи пытаются толковать название *Новгород* в тесной увязке с возникновением укреплений на левом или на правом берегу Волхова. Перед нами не топонимическое новообразование, прямо отражающее синхронную историческую реалию, а относительно древнее топонимическое клише, в известной мере десемантизированное. Возможным источником праславянского клише **novъ gordъ* может оказаться старейшая традиция наименования **nav- var-* «новый город» нескольких значительных укрепленных

поселений в античной Скифии I–II вв.: *Navarum*, *Νάβαρον*, *Νάβαρις*, *Ναύβαρις*, *Νεάπολις*, ср. еще знаковый топоним из ареала расселения славянских племен ок. 500 г.: *civitas Nouietunense* (Iord., 35) < **novětynь*.

С. 40–41. Попытка реконструкции фрагмента праславянского словника прагидронимов [Шульгач, 1998, 8–13] привела к смешению действительно праславянских (и общеславянских) архетипов водных названий с результатами внутренней реконструкции реальных, иногда одиночных, изолированных гидронимов. Метод групповой этимологизации топонимии Р. М. Козловой в результате дал невероятный паноптикум гетерогенных топонимов. Уровень достоверности выводов значительно ниже определений, полученных ареальным методом.

С. 43. Сформулированные В. Л. Васильевым принципы топонимических трактовок представляются необходимыми и достаточными.

С. 45. Нельзя не отметить положения, имеющие принципиальное значение для всех, кто исследует топонимическую архаику: «... Названия, становясь идентифицирующими знаками, остаются вне общего потока языкового развития и демонстрируют всегда былой уровень системных пересечений с языком, наиболее актуальный для момента их возникновения». И еще: «При решительной смене языка в регионе, прежде всего, отдаленно родственным или неродственным языком, топонимы обычно становятся для нового этноса семантически непрозрачными структурами и либо замещаются топонимией языка-реципиента, либо в готовом виде заимствуются и/или адаптируются этим языком».

С. 49. Отмечу как важную следующую фразу: «... Тезис о массовых отдаленных миграциях названий, особенно гидронимов, недоказуем, и, если его абсолютизировать, он превращается в научную фикцию... обычно переносятся не географические названия, а типовые апеллятивы и антропонимы, лежащие в их основе, известные в значительном континууме родственных языков и диалектов, заимствуемые и неродственными языками». Для себя замечу, что именно так следует трактовать повторение скифской гидронимии в новых ареалах: *Τύρης* (р. Днестр и р. Чур-баш), *Ἰπάνις* (р. Южный Буг и р. Кубань), *Παυτικάντης* (р. Ингулец и р. Приморская), *Γέρρος* (гидроним и хороним в Поднепровье и топоним в Закавказье).

С. 52. Автор приходит к выводу, что «... применительно к региону Новгородской земли завершение древнерусского периода и, следовательно, обобщенную верхнюю границу появления новгородской архаической топонимии наиболее целесообразно относить к последней четверти XV в.». Там же автор относит нижнюю хронологическую границу появления славянских топонимических древностей ко времени начального освоения славянами Ильмень-Волховского озерно-речного бассейна (VII–VIII вв.).

С. 53. Автор утверждает, что изучение славянской топонимической архаики Новгородской земли не дает пока достаточно надежных внутриязыковых оснований для хронологического подразделения в ее составе более ранних позднепраславянских и более поздних древнерусских элементов. Между тем, если подходить к материалу с общеисторических позиций, то следовало бы ожидать выявления, по крайней мере, трех стратов — позднепраславянского диалектного (V/VI–VII вв.), восточнославянского — «кривического» и «словенского» (VIII–IX/X вв.) — и древнерусского (X/XI–XIV/XV вв.). Но об этом я выскажусь при обсуждении итоговой главы книги.

С. 55. Перечислены субстраты и адстраты топонимических архаизмов древнефинского и позднего эстонского, древнеиндоевропейского, древнебалтийского и позднего лето-литовского, древнескандинавского происхождения.

С. 58–71. Небольшой раздел «Приемы выявления и анализа славянской топонимической архаики Новгородской земли» подробно отражает весь комплекс методических и методологических подходов автора к топонимическому материалу. Формулировки и установки автора точны, ясны и весьма убедительны.

С. 76. Автор разделяет мнение К. Рымута, полагавшего, что праславянскими именами-композиатами можно считать только те, которые зафиксированы не менее чем в двух славянских языках, или же такие, компоненты которых повторяются в разных именах и в разных славянских языках. Я бы дополнил это требование лишь следующим уточнением: желательно, чтобы славянские языки еще относились к разным подгруппам (болгаро-македонской, сербохорватской, словено-словацкой, лехитской, восточнославянской и т. п.), поскольку показания двух близкородственных языков недостаточны для подтверждения праславянского статуса имени-композиата.

С. 77. Автор отмечает явление взаимозаменяемости или утраты гласных в исходе первого компонента композиата (по новгородским материалам). Это явное свидетельство в пользу относительного позднего диалектного словообразования, уже древнерусского периода. Сложные имена с отглагольными компонентами относятся к старшему, архаическому праславянскому типу (*Видимирь*, *Радимирь*), а имена с отыменными компонентами — к младшему типу (*Видомирь*, *Родомирь*).

С. 81. Композит **Gojъslavъ*, скорее всего, восходит к **Gojislavъ* с глагольным первым компонентом и первичным значением на базе падежного словосочетания **gojiti slavъ*.

С. 86, 94. Германизированные формы славянских топонимов *Radensleben*, *Rathsleben*, *Rottmersleben* могут и не относиться к славянским рядам на *-slavji* (**Radoslavji*), а являться славяно-германскими гибридами с германским переоформлением славянских имен **Rad(ĕm(ir)ъ*, *Ratъmĕrъ* и добавлением герм. **lĕb-en* в значении 'наследие, оставленное потомкам', ср. не вполне ясное древнеславянское этническое наименование *дулѣбов* (? из герм. **daup-lĕb-* «наследники мертвеца»).

С. 87. Предполагаю, что формы *Чеслове*, *Часловица* производны не от имени-композиата **Čьstъslavъ*, а от древнего **Čajъ-slavъ* с глагольным первым компонентом **čajati/čajiti slavъ* и первичным значением 'чаять, поджидать славу' [ЭССЯ, 4, 11–12].

С. 88–89, 614. Жаль, что отсутствуют безусловные семасиологические аргументы к этимологии компонента *Се-/Сѣ-* в топонимах типа *Сеславль*. Мне импонирует архаичная модель производящей именной основы с первым глагольным компонентом **sĕ-*, однокоренным **sijati*, **sĕnъ* на базе словосочетания **sĕjъ (?) slavъ* с первичным значением «быть под сенью славы», на худой конец, с глаголом **sĕjati* 'сеять' («сей славу»). В то же время имя собственное на базе словосочетания указательного, возвратного местоимения **sъ* (сей, сего) или междометия типа ст.-болг. *сѣ* 'вот' с существительным *слава* выглядит не только позднейшим новообразованием, но еще и ситуативным гапаксом.

С. 89–94. Относительно композиатов на *-mir/-mer-* замечу этимологическую проблему в самом этом компоненте. Являются ли праслав. **mĭrъ*, **mĭrъ*, **mĕrъ* исконными или заимствованными из германских диалектов? Или это совместная германо-славянская лексическая инновация? Особенно много вопросов возникает при сопоставлении славянских словообразований на *-mir/-mer-* с ономастическими реликтами готского племенного союза Великой Скифии III–V вв. (с учетом того, что в тот период намечается существование праславяно-восточно-германо-восточно-иранского языкового союза в рамках ареала черняховской археологической культуры). Ср.: *Filimer* (третий король

готов, 200–250 гг. н. э.) из **fili-mêr-*; *Balamber* (владыка гуннов в 367–375 гг.), толкуемое из герм. **bal-a-mêr-* или **wal-a-mêr-*; гуннское царское имя *Malamer*, *Malamir* < герм. **mal-a-mêr-*; готские королевские имена *Thiudimer* (< **þiudī-mêr-*), *Uualamer* (< **wal-a-mêr-*), *Uuimiri* (< **wīdī-mêr-*), *fīlii Uuimiri* (455–474 гг. н. э.), *Uuimiri f. Hermanarichi* (< **witi-mêr-*) [Doerfer, 1973, 106].

Первый же рассматриваемый в книге топоним *Видимирь* (с. 89–91) возводится к личному имени *Видимирь*, которое поразительно напоминает имя одного из сыновей Германариха *Uuimiri* и внука Германариха *Uuimiri filii Uuimiri* (455–474 гг. н. э.)! Последнее этимологизируется на германской почве как *Uuimiri* < **wīdī-mêr-*, при том что имя отца *Uuimiri* < **witi-mêr-* [Doerfer, 1973, 106]. Славянские формы *Видимирь*, *Видѣмирь*, *Видомирь* и прагерманский реконструкт **wīd-i-mêr-* заставляют серьезно задуматься над этимологией этого имени. Не следует ли отнести топоним *Видимирь* к реликтам поздне-прааславянского страта, предшествующего «словенским древностям» Новгородской земли?

Топоним *Уномерь*, соотносительный с антропонимом *Унѣмьръ* (с. 94), содержит в первой части компаратив со значением «лучше», ср. помор. *Uněmer* (1260 г.). Это привлекает внимание и в связи с прочей архаичной новгородской ономастикой на *Оне-/Оно-* (*Онегость*, *Оногость*, *Оночесть*, *Ондвор*, *Онпол* — с. 168, 613) и с подозрительно похожими готскими и гуннскими ономастическими реликтами типа Ὀνηγῆσιος, Ὀνογοῦροι, *Honoguri*, Ὀνογοῦνδοῦροι. Имя собственное Ὀνηγῆσιος толкуют из герм. **hunĕ-gēs-*, подобно **hunĕ-mund-* и **gesĕ-mund-* [Doerfer, 1973, 93, 109]. Не относится ли и *Уномерь* к позднепрааславянским реликтам, как и *Оногость*? Кажется, пресловутый этноним *оногуры* обретает вполне убедительную славянскую этимологию: сложение то ли местоименного компонента **онь* ‘тот, этот’, то ли компаратива **унĕ* ‘лучше’ и основы **gūrь*, ср. **govorь* [ЭССЯ, 7, 76–77]. Подозреваю, что мы неточно идентифицируем эти *онѣ-, оно-, унѣ-, уно-*.

С. 95–98. В разделе «Композиты на -буж-» даны обоснованные толкования нескольких топонимов, производных от личных имен на -бужь. Этимология этого компонента остается неясной. Что перед нами: рефлекс праслав. **bōdq* ‘буду’ [ЭССЯ, 2, 233–234] или **būditi*, встречающегося в композитах типа *Budimirь*, *Budislavь*, *Budivojь* [Там же, 3, 76–77]? Скорее, можно было бы ожидать эти глаголы в первой части композита. С другой стороны, настораживают готские имена-композиты типа *Hunimundus Magnus*, *Gesimundus*, *filius Hunimundi Magni*, другие двусоставные имена со второй частью -*mund-*: **gēsī-mund-*, **hūni-mund-*, **prasi-mund-* [Doerfer, 1973, 106]. Не является ли второй компонент праславянских имен **bōd-* результатом адаптации готского **mund-*?

Удивительным архаизмом выглядит гидроним *Драгобуш*, если соотносить его с др.-новг. **Дрогобужь* со ссылкой на диалектные рефлексы типа **TorT* — **TroT* (с. 95). В данном случае очень недостает просодического указания, на какой слог падало ударение. От этого зависит трактовка первого слога. Если ударным является первый слог (**Др́агобужь*), то перед нами позднепрааславянский архаизм юго-западного происхождения. Если же ударным является второй или третий слог, то перед нами поздний адстрат, результат прибалтийско-финской адаптации новг. **Дрогобужь*.

С. 102–105. В разделе «Композиты на -неж-/ниж-» все толкования топонимов обоснованные и верные. Скорее всего, второй (именной) компонент производящих двусложных основ **nĕgь* отвлечен от праслав. **nĕga* ‘наслаждение, блаженство, удовольствие’ [ЭССЯ, 25, 97].

С. 106–107. Читая раздел «Композиты на *-вич/-виц-*», приходишь к альтернативному этимологическому решению далекой от Новгородской земли проблемы теонима полабско-поморских славян *Suentouit*, *Schwentowitz*. Одни настаивали на том, что это славянское переформливание имени католического святого Вита (**svęť* + *Vitъ* = *Sanctus Vitus*), другие усматривали истоки имени в неловкой немецко-латинской передаче некоего теонима **Svētovitъ*. Скорее всего, в случае с этим теонимом перед нами праславянский патроним на *-ovitъ* от **Svēť*.

С. 108–109. В статье *Имоволоже* позволю себе усомниться в утверждении В. Б. Крысько о том, что антропоним **Имоволодь* является заимствованием прибалтийско-финского происхождения (**Himavalto*), претерпевшим закономерную фонетическую адаптацию в славяноязычной среде. Прибалтийско-финский реконструкт сам выглядит как адаптация славянского **ъmovoldъ* или даже германского прототипа совершенно иной этимологии (**him-*walp-* ‘небесный лес’ (?), ср. *Oswald* < **ans-walp-*; *Ramwald*; etc.). Мне ближе трактовка А. А. Зализняка — от исконно славянского имени **ъm-o-voldъ*. Только мотивация словообразования видится мне иной. Я бы сопоставил словообразование прилагательных *имоверный*, *неимоверный* (на базе словосочетания *иметь веру*) и новгородского имени собственного *Имоволодь* — на базе словосочетания **имѣти волода*, где *волода* — существительное ж. р. типа чеш. *vláda*, ср. *mít vládu ve svých rukou* [Trávníček, 1952, 1654].

С. 136–139. Читая раздел «Названия на *-н’-*», я невольно задумался над словообразованием одного древнеславянского топонима, локализуемого далеко от Новгородской земли. Наименование одного из днепровских порогов X в. «по-славянски» ’*Остроѡвѡи прѡх* «островок порога» (DAI, 9: 40), на самом деле, «порог островка». Нет нужды обосновывать возможность греческой передачи славянского **ostrovъnъ(jъ)* [Максимович, 2006, 28]. Мне представлялось, что ’*Остроѡвѡи* лучше толкуется как передача греческими средствами уменьшительного производного с суффиксом *-uni* от праслав. **obstrovъ* [ЭССЯ, 30, 79–80; Трубачев, 1968, 233] или как искажение в иноязычии рефлекса праслав. **obstrovina* ‘остров, отмель’ [ЭССЯ, 30, 78]. Но в свете толкований новгородских йотово-посессивных архаичных топонимов не правильнее ли будет трактовать форму ’*Остроѡвѡи* аналогично новг. *Хотыня* (абстрактного апеллиатива «желание, хотение») или *Хотунь* (йотовое производное от имени деятеля *Хотунь*), но не от имени деятеля *Островунь*, а от некоего апеллиативного производного на *-ун’i* абстрактного значения (*Островынь*).

На с. 143–146 рассматриваются любопытные антропонимы *Льгость*, *Бързь* и *Мънюхъ*, от которых произведены некоторые архаичные новгородские топонимы.

С. 154. На этой странице толкуется двусложный топоним *Романъ Брод*. Это побудило меня еще раз задуматься о происхождении таврического оронима Роман-Кош. Не является ли он вовсе не тюркским новообразованием, а вполне славянской йотово-посессивной формой от христианского имени *Роман*, где *кош* — славянское **košъ* ‘плетеный улей’ [ЭССЯ, 11, 195–197]? Пусть и не слишком древний, ороним **Романъ кошъ* затерялся среди чужеродных варваризмов так, что никому и в голову не приходит посмотреть на него как на относительно недавнее восточнославянское образование.

С. 156–200. Глава 3 целиком посвящена этимологической и этноисторической разработке топонимии с элементами *-гощ/-гост-*. В дополнение к вводным замечаниям автора об общеславянском фоне я бы упомянул примечательное имя правителя болгар, обитавших к северо-востоку от Днепра, а именно *Гостоунь* (между 602 и 605 гг.). Это имя,

на которое не обратили внимания ни болгаристика, ни славистика, между тем чрезвычайно любопытно. Мало того, что это одна из древнейших фиксаций основы **gost-* [ЭССЯ, 7, 63–69], она оформлена весьма непривычным суффиксом *-итъ* (что это — имя деятеля от глагольной основы **gostevati / gostovati?*). Ср. болг. *гостувам* ‘гостить, быть гостем’.

На с. 158 вдумчивый читатель снова оказывается перед трудным выбором этимона первого компонента топонима *Будогощъ*: праслав. **bŏdq* или **bŭditi?* Ведь в данной позиции ожидается именно глагольная основа. В. Л. Васильев полагает, что соединительный *-о-* — новый гласный, развившийся после усечения *-i*, или же здесь проявляется изначальное различие образующих сложение именной и глагольной основ. Если помыслить о возможном первоначальном значении антропонима **Будогость/ь*, то мы оказываемся перед еще более трудным выбором: «буду гостем», «буди гостя», «буду гостить» или «пробуждение гостя».

На с. 178–179 рассматривается группа топонимов *Уторгош*, *Вутрогоща*. Автор реконструирует производящую основу антропонима *Утрогость*, предполагая в первом компоненте существительное *утро*. Я бы обратил внимание на Οὐτ(ρ)ίγοισοι, Οὐτοῦροισοι (Ргосор. VIII, 4: 18) — позднеславянский этноним *утригуров*, *утургуров*, «внутренних гуров» или «чревоещателей» (?). В таком случае более вероятна реконструкция первого компонента как праслав. **qtri*, **qtrь* (уже в произношении **qtr-*) ‘внутри’, ср. др.-болг. *вънѣтръ*, болг. *вътре* ‘внутри’, др.-рус. *утрь* ‘внутрь, внутри’. Если я прав, то антропоним *Утрогость* можно понимать и как «внутренний гость», т. е. допущенный внутрь дома-гостеприимца, а не оставленный ночевать, по древнему обычаю, в преддверии дома.

В словарной статье *Подгощи* (с. 182–183) автор справедливо реконструирует производящую основу антропонима **Подъгость*, отсутствующего в славянских именниках. Толкование этого имени как отвлечения от приставочного глагола **подъгостити* представляется вполне возможным. Но, с учетом антропонима **Утрогость*, можно допустить реконструкт **Подогость* с первичным значением «гость, спящий на полу» (?).

Трудные случаи толкования представляют собой топонимы *Крогоща*, *Пиногощи*, *Рузогощи*, *Сорогож*, *Тогоше* (с. 183–185). Затруднительно предложить убедительную этимологию для первых компонентов этих двусложных антропонимов.

Поддержу В. Л. Васильева в его этноисторической интерпретации богатства новгородского ареала топонимии на *-гощ-* (с. 188–200). Он пишет: «...Появление топонимии на *-гощ-/гост-* на Северо-Западе связано с теми носителями славянской речи, которые первыми осваивали данную периферию славянского мира» (с. 195).

С. 201–243. Глава 4 посвящена деантропонимной топонимии на *-ичи/-ицы*, *-ица*, *-ец*. Здесь отмечу верное наблюдение автора о том, что на восточнославянской территории названия на *-ичи* густо сконцентрированы в ареале распространения историко-культурной общности кривичей (с. 202). Верна также стратификация топонимов этого типа, которые обычно именуют патронимическими, т. е. обозначающими потомков по имени предка. В. Л. Васильев пишет буквально следующее: «Первый тип образуют истинно патронимические названия... восходящие к топонимически закрепленным во множественном числе наименованиям лиц на *-ичи* — потомков по имени или прозвищу общего предка, которые являлись первоначальными заселителями местности. Второй, более поздний тип, развившийся из первого, составляют посессивные названия, соотносимые с патронимами лишь формально». «Патронимический тип характерен для родового строя и, надо по-

лагать, для эпохи первоначальной колонизации ничейной территории, посессивный тип появился в более поздние периоды, когда уже освоенная территория с находящимися на ней селами и людьми стала собственностью землевладельцев-феодалов» (с. 203). Об этом еще пойдет речь в итоговом разделе.

С. 245. Автор формулирует общее правило другой модели словообразования архаической топонимии: «В подавляющем большинстве топонимы на *-ово*, *-ево* возникали от личных имен мужского морфологического рода (на согласный или на *-о*), названия на *-ино* — от личных имен женского морфологического рода (на *-а*)».

С. 251. При чтении словарной статьи *Ждажерино* приходит мысль о том, что производящая основа антропонима-композиата **Ждажера* образована на базе словосочетания **жадно жерти* (?).

С. 257–259. В словарной статье *Гатчина* автор очень убедительно толкует этот топоним. Действительно, изменение первичного *Хатчина* в позднейшее *Гатчина*, скорее всего, обусловлено воздействием иноязычного фактора, а именно прибалтийско-финской фонетической системы.

С. 268–269. Приставочные антропонимы типа *Прибыльца*, *Прибыла*, *Прибыша* имеют давние письменные фиксации, на которые обратил внимание О. Н. Трубачев. Он вывел имя моравского князя *Pribina ... ex alia coniuge* из праслав. **prijěbina* [Трубачев, 2002, 42].

С. 275–277. Отмечу здравые рассуждения автора по поводу семантического развития праслав. **terbiti* ‘расчищать, чистить, терebить’ и корня **terb-* ‘быть нужным, необходимым’.

С. 278–279. В связи с новгородским топонимом *Чернигово* убедительно разрешается этимология топонимов *Чернигов* и *Черниж*. Предлагаемое деантропонимное образование этих местных названий представляется наиболее обоснованным.

С. 280. При обсуждении названия *Быстреево* автор допускает возможность антропонимизации сравнительной степени **bystrějъ*, что находит семантико-деривационную аналогию в чешских (уже в древнечешских!) именах собственных.

С. 281. Производящая основа антропонима **Елигъ* в случае с названием *Елигово* не вполне понятна, но, тем не менее, отмечается в Польше, где трактуется как адаптированное заимствование нем. *Ehlig, Helwig*. Однако новгородский антропоним оказывается в одном словообразовательном ряду с *Кочигъ*, *Смолигъ*, *Чьрингъ*, *Ясигъ*, что повышает вероятность его славянского происхождения.

С. 282–284. Для топонима *Болчино* приводится производящий антропоним *Бълчь* с разнообразным славянским фоном. Отмечу настоятельную необходимость выяснения местоположения ударения в топониме. Это помогло бы вынести более обоснованный вердикт.

С. 286–287. Др.-рус. *волоть* ‘великан, исполин’ [СлРЯ XI–XVII, 3, 9] и особенно его праславянская реконструкция **veltъ*, дают основания для сопоставления с кельтским социальным термином **vēlēt-s, vēlētiā* ‘sehende, Dichter; seherin’ [Holder, III, 145].

С. 288. Для окончательного толкования топонима *Грузино* необходимо выяснить местоположение ударения.

С. 291–294. В сюжете о названии деревни *Киёво* автор предлагает совершенно верное толкование для всех топонимов-рефлексов праславянского архетипа **куjevъ gordъ, *куjeva vьsь, *куjevo selo; bolto; jezero/ozero*. Перед нами топоним с апеллятивной основой, этимология которой с прямой и косвенной ономаσιологической аргументацией была изложена некогда мною [см.: Шапошников, 2006, 440–444].

С. 300. Позволю себе усомниться в единой этимологии антропонима *Пръхъ, *Пърхъ и *Пръшьнь.

С. 301–302. Древнерусское имя *Хьль*, о котором идет речь в сюжете о названии *Хилово*, имеет скифский аналог Σκύλης с близкой первичной семантикой.

С. 310–326. Похвальна Глава 6 «Топонимия, равная личным именам», где речь идет о бесформантных деантропонимных названиях. Это явление редко привлекало внимание отечественных ономастов.

С. 327–522. Очерки деапеллятивной топонимической архаики по топоосновам написаны В. Л. Васильевым мастерски. Каждый сюжет имеет всю необходимую и достаточную разработку.

Автор намечает верное направление этимологического поиска для праславянского теонима *Velesъ / Volosъ* в связи с лит. *velės, vėlės* ‘духи умерших’ (с. 339, 343), ведь наиболее точное соответствие Велесу в эталонной эллинской теологии — Гермес Психопомп (Гермес, посылающий души умерших в царство Аида).

Топооснову *Водос-* автор склонен толковать как результат процесса гаплогонии **водосъсь*, обусловленной позиционно (с. 359–362). Я бы обратил внимание не только на вероятность «балтийского следа» в ареале кривичей (ср. жемайт. *Ведоса*), но и, особенно, на палеобалканские факты: *Εδεσσα, *Οδησσός, *Οδεσσός, *Οδυσσός; Σαλμυδησσός [Detschew, 1976, 164, 335, 414]. Подозреваю, что новг. *Водос-*, жемайт. *Ведоса*, балк. *Эдесса* и *Одесс* имеют единую этимологию, одно первичное значение (связанное с водой?).

Обращу внимание на сюжет об основе *Волм-* (с. 363–364), в котором В. Л. Васильев предлагает этимологию с прагматической мотивацией рефлекса праславянского апеллятива **vьlm-* (из и.-е. **ulm-*) ‘вяз’, ‘ива’, ‘густой кустарник’. С этой проблемой я столкнулся при попытке сопоставления полабско-поморского топонима *Illmenau* и новгородского *Ильмѣрь* [Шапошников, 2012а, 374–385].

Прекрасно разработан сюжет новгородской топоосновы *Вельнь, Вольтнь* (с. 365–372), в котором со всей очевидностью проступают теснейшие лингво-культурные связи Новгорода с исторической Вольнской землей. Несмотря на популярную праславянскую этимологию, обращаю внимание уважаемого автора и читателей на бросающуюся в глаза кельтскую параллель: ΣΥΜΒΟΛΟΝ ΠΡΟΣ ΟΥΕΛΑΥΝΙΟΥΣ, *Vallauna, Vallaunius, Vellauno, Vellaunodunum, Vellaunus, Vellaunis* [Holder, III, 188, 141–142]. Подозреваю, что мы плохо представляем себе как праславянскую, так и пракельтскую этимологию этой основы, а также ее семантику и прагматику. Первоисточником распространения этой основы в Восточной и Западной Европе может являться историко-культурная общность венетов, некогда населявшая центральноевропейский ареал и в результате неизвестных ближе демографических процессов оказавшаяся на Атлантическом побережье Франции и, возможно, на Волыни.

В сюжете об основе *Дрегл-* (с. 390–391) автор предлагает простую этимологию из праслав. диал. **dregy*, -ъve ‘болото’ в связи со смол. *дря́глый* ‘болотистый, топкий’, которая исключает в данном примере наличие рефлекса с примечательной фонетической чертой, о которой много писали прежде: праслав. -*dl-* > вост.-слав. диал. -*гл-*.

Топооснова *Дретен-, Дертин-, Дрет-* (с. 391–393) представляет особый диалектный псковско-новгородский рефлекс *ТърТ* — *ТръТ*.

Не является ли топооснова *Кад-, Кадн-, Каден-* (с. 403–405) производной не от апеллятивных основ со значением тарной посуды, а от глагола *кадити*? В таком случае различные славянские внешне похожие топонимы могут оказаться гетерогенными.

Топооснова *Клецин-*, *Клицин* (с. 409–413) оставляет читателя перед дилеммой, на какой производящей апеллятивной основе остановить свой выбор: на новг. диал. *клець* ‘рыба лещ’ (естественно, таково мнение уважаемого автора, стремящегося оставаться на твердой диалектной почве), или на общеслав. **klěšťь* ‘клещ’?

Сюжет о топооснове *Коломн-*, *Коломен-* разработан очень убедительно, всецело подерживаю именно такое толкование (с. 413–422).

Внимание привлекает толкование топоосновы *Конотоп-*, которая изначально обозначала труднопроезжие конские дороги, топкие переправы через болота и заболоченные реки (с. 422–423). Обращу внимание на средневековый топоним **Конѣтъзи*, **Коностьзи* на Керченском полуострове [Шапошников, 2007; 2008], первым компонентом которого также выступает апеллятив *конь*, а вторым — праслав. **stьga* в диалектном («антском») фонетическом виде, ср. ст.-болг. **СТЪЗА**, **СТЪЗИА**.

Относительно сюжета с толкованием топоосновы *Круп-* (с. 425–426) замечу, что предложенная автором этимология недостаточно убедительна и что Е. С. Отин сталкивался с аналогичной проблемной топоосновой *крупна*, *курпа* в топонимии Приазовья [см.: Отин, 2000, 79, 82].

Живой интерес вызывает сюжет о топооснове *Ильмен-*, *Лемён-*, *Лимен-* (с. 427–430). С одной стороны, привлекательна этимология на базе др.-рус. **ИЛЬМЪНЫИ**, селигер. диал. *ильмень* ‘род дерева с широкими листьями’ (ср. полаб. *Illmenau*), а с другой — представляется перспективной этимология на базе и.-е. **limen-* ‘залив’, **leimōn-* ‘заливной луг’ [Pokorny, 1949–1959, 664–665], особенно на фоне скифских форм **limōn-*, **limn-* [Шапошников, 2011, 350–351].

Замечательно обнаружение в Новгородской земле топоосновы *Осое*, *Осои*, отвлеченной от древненовгородского апеллятива **ОСОН** с явными балканскими связями (с. 456–457).

Топоним *Перегино* (с. 461–462) В. Л. Васильев связывает с теонимом *перегиня*.

Верно этимологизируется новгородское название *Торган* (с. 467) на базе др.-рус. **ТЪРГАТИ**. Напомню в связи с этим правильную этимологию известного топонима *Таганрог*, давней порчи первичного **tьrganь rogь* ‘изогнутый рог’ [Отин, 1997, 267–272; Шульгач, 1998, 307], аналогичного *Τοῦργανήρχ* — названию одного из трех островков на месте нынешней косы Тузла (DAI, 42: 105). Принцип словосложения тот же, что и в праслав. **Běl(ъ)-gordь* (Белгород) [Отин, 1997, 267–272, 311–318]. Ср. стойкую скифскую традицию «кривого рога»: *Нурасырис*.

Еще одна топонимическая изоглосса связывает Новгородскую землю и Балканы (а вернее, древний диалектный ареал общности антов): гидронимы *Плиско*, *Плеска*, *На Плеску*, *Пскова*, топоним *Пльсковъ* — Псков, *Пскова* (с. 476, 572–576) и первая столица болгарского государства *Плиско*, Πλίσκα, Πλίσκοβα, Πλίσκουβα. Праславянская основа **pleskь*, **plískь*, **plьskь* требует внимательного этимологического разбора в связи с новгородскими диалектными вариантами типа *плѣха* и *плѣшка* ‘заводь, преимущественно с застойной водой’, *плюшина* ‘болотистое место с зарослями мелкоколесья’.

К сюжету о топонимах *Прусуня*, *Прусская*, *Прусский*, *Прусское* (с. 487–489) должен добавить следующие наблюдения. Этноним, вызвавший полет фантазии многих исследователей, — *prūsai*, *прусы* — якобы восходит к кельтскому этнониму *Prausi*, Πραῦσοι (Страбон: в Галлии), германскому **frūsjōz*, *Frisii*, Φρίσιοι (фонетическая адаптация того же галльского этнонима) и родственен вифинским Προῦσα, Προῦσιος [Трубачев, 2002, 23, 292]. На деле эта привычная форма является результатом балтийской и славянской

фонетической адаптации, переоформления нем. *Preußen, Prußen*, регулярной передачи туземного этнонима, отвлеченного от имени мифологического прародителя *Bruten*. Не выдерживают никакой критики неловкие попытки связать *Пруссию* и др.-рус. *Роусь*, имеющее совершенно другое происхождение, иную этимологию. А вот ономастический ряд др.-прус. *Bruten* → ср.-нем. *Prußen, Preußen* → ст.-рус. *Пруссыня* весьма показателен.

Топооснова *Рагл-* (*Раглицы*), *Рахл-* (*Рахлицы*) справедливо толкуется как новгородский диалектный рефлекс **raglo* праславянского апеллятива **ordlo* ‘рало, соха’ (с. 495–497).

Деаппелятивные топонимы типа *Сеглино, Сеглиница, Сеглица, Соглово* (с. 498–499) предполагают производящую основу ж. р. **segla*, которая может оказаться вариантом рус. диал. *сигла* ‘болото, топь’, ср. слов. диал. *sihla* ‘заболоченное место; peat bog, peatery’, *sihlový* ‘болотный’, гидронимы *Szihelne* (1629, 1780), *Sylne* (1659), *Szihelne patak* (1872, 1900), *Potok Sihelné* (1872), *Sihlowi potok* (1659), *Sihlový potok* (1994), местное название *Sihly* (1994) [Majtán, Rymut, 2006, 113–114]. Возможная кельтская этимология этой основы рассматривалась в связи с другим сюжетом [см.: Шапошников, 2012б, 227–228].

Анализ топооснов *Уж-*, *Ужен-*, *Ужин-*, *Уз-*, *Узмен-* (с. 499–504) столь основателен, что заслуживает учета в соответствующих словарных статьях ЭССЯ.

При чтении сюжета о гидрониме *Хуба* (с. 504–506) невольно возникает вопрос, не является ли он однокоренным болгарскому прилагательному *хубав* ‘хороший, добрый’?

Трудный этимологический случай представляет собой топооснова *Хутын-*, *Хутон-*, *Хутан-* (с. 506–510). Наиболее вероятным представляется толкование ее как новгородского диалектного суффиксального производного от аналога олон. *хутить* ‘хоронить, погребать; (с)прятать’, этимология которого, к сожалению, не может считаться окончательно установленной. Я бы обратил внимание на скифский архетип *(*s*)*kapt-* в составе этнонима *Cantiocaptae (Trog(1)odytae)* ‘изкопани къщи’, т. е. ‘выкопанные землянки’ (?), так как **skapt-* могло дать праслав. ***xǫtt-* > **χот-*. Наиболее вероятное первичное значение — ‘зарытое (под землей)’.

Для уточнения этимологии топоосновы *Щир-*, *Щер-* (оз. *Щир, Щирское, межи Лютои и Скиру*) (с. 512–519) было бы уместно помимо славянского материала привлечь и германский, в частности этноним северно-причерноморского происхождения *Sciri*, который этимологизируют на базе прагерм. **skī-r-* ‘чистый’, ср. юж.-нем. *schieren* ‘очищать’, ‘просвечивать’.

Новгородская топооснова *Ясен-*, *Ясн-*, *Есен-* (с. 519–522) истолкована убедительно и основательно. Единственное, чем я дополнил бы общеславянский иллюстративный материал, — полабской гидронимической параллелью. Известно, что в 1004 г. виндское племя древян обитало в долинах рек *Illmenau* и *Jesionnq (Jetzel)* на левом берегу Эльбы (*Łaby*) [MS, 96, 145]. Ввиду этого свидетельства можно подумать о другом этимологическом решении на основе праслав. *(*j*)*aseny* ‘ясень’ [Фасмер, IV, 564; ЭССЯ, 1, 79–80].

В целом верное толкование топонима *Перекомо* (с. 525–526) имеет поддержку в балканском материале. Предполагаемое производное с суффиксом *-омо* имеет равноструктурную параллель в болгарской диалектной лексике, например, страндж. *кръстомá* ‘поперек, в поперечине, в поперечнике’, *морéто дълбóко и кърýстомá е ширóко* [Шапошников, 2009, 103].

Относительно топонимов *Ракома, Ракомо, на Ракомъ* (с. 530–538) осмелюсь привести забавную «случайную» параллель: скифская глосса *Rhecoma adfertur ex iis quae*

supra Pontum sunt regionibus. Radix... calfaciens gustu et adstringens (Plin., XXVII: 128) ‘рекома... корень... по вкусу согревающий и вяжущий’.

Для лимнонимов *Боруе, Боруи* (с. 568–569) имеется примечательная палеобалканская параллель — топонимы типа Βέροια, Βερόβια, Βέρροια, Βερρόη, *Beroea, Beroë*, средневековое *Боруи* в Македонии, Мизии, Фракии [Detschew, 1976, 54], которая позволяет взглянуть на этимологию предполагаемого апеллятива по-другому. Подозреваю, что праслав. **borъ* и его древнеславянский адъектив **borujь* не имеют отношения к этим топонимам.

С. 608–612. Раздел Главы 8 «Архаическая ойконимия с префиксом *no-/na-*» посвящен специфическому типу деривации названий населенных пунктов от названий близлежащих рек и озер (а также других ландшафтных объектов), продуктивному как в современных балтийских и славянских языках, так и в древних представителях балто-славяно-скифской языковой подгруппы. Обращу внимание уважаемого автора и читателей на древние фиксации подобных приставочных производных: еще травское (агафирское) *Pathissum* (Plin.) «по реке Тисе» [Шафарик, 1837, 118; Нидерле, 1956, 56; Трубачев, 2002, 42]; поздние скифские топонимы Πασιρίς· πόλις περὶ Καρκινίτην ποταμόν (Ptol.) «по реке Сури» (?); Ποστλίγία· πόλεις δὲ εἰσὶ μεσόβουιοι ἐν τῇ Ταυρικῇ χερσονήσῳ αἴδε (Ptol.) «по стезе»; *Possidima* (Vesconte, 1320) «по седловине» [Шапошников, 2000, 195].

С. 617–618, 622. Весьма любопытны примеры древнеславянских калек с балтийских названий, типа *Морея* (1134 г.), *Стобня, Стобёнка, Осьма-Каменка, Жедрицы*. К этим топонимическим древностям Новгородской земли вновь привлекаются балканские параллели: болгарский гидроним *Осьм*, античные фиксации которого *Anasamus, Ansamus, Asamus*, Ἀσημα [Detschew, 1976, 30] препятствуют принятию этимологии В. Георгиева и Д. Дечева на базе и.-е. **ak-men-* ‘камень’. Балтийскому и иранскому материалу этот гидроним не соответствует: некое приставочное производное **an-asām-* (?). Не относятся к обсуждаемым проблемам и гидронимы *Margus* (ныне *Morava*), (*Mori*)*morusa* (ныне *Maros*), имеющие иные этимоны.

С. 623–632. Весьма основательный раздел «“Русская” топонимия в Приильменье» развеял почти все «призраки научных пещер». Выяснилось, что новгородские топонимы с основой *рус-* являются гетерогенными по происхождению: «...Заметная доля топонимов с корнем *рус-* в Приильменье имеют связь, иногда прямую, но, как правило, опосредованную, отдаленную, с древнебалтийским субстратом в регионе».

С. 626. Соглашусь с В. Л. Васильевым в отношении происхождения древнерусского этнонима, хоронима *Русь*. Действительно, самой приемлемой этимологией этого наименования следует признать приоб.-фин. **rōtsi*, фин. *Ruotsi* ‘Швеция’, *ruotsalainen* ‘шведы’ с закономерной фонетической адаптацией при усвоении восточными славянами. Судя по недавно опубликованным данным ДНК-генеалогии, сам Рюрик (а также его потомки Рюриковичи, в частности Мономаховичи и Гедиминовичи) по происхождению был финном. Скорее всего, он сам именовал себя «шведом», поскольку происходил из ассимилированного шведами рода финнов. Примечательно, что, переняв язык и обычаи шведов, Рюрик все же указывал свою идентификацию на родном, финском, языке!

Единственное, в чем нельзя согласиться как со стародавними норманистами, так и с А. Е. Аникиным, так это в этимологии фин. **rōtsi* на базе древнескандинавского гапакса *rōþsmenn* ‘гребцы-мужи’. Приоб.-фин. **rōtsi*, скорее всего, восходит к индоиран. диал. **rōč-* ‘светлый, белый’, следы которого, все-таки заметны в Скифии: Λευκὴν ἀκτὴν ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ (SC, I, 332), *Rocas* ‘народ у Понта’, *Rocastadzans* (Iord.), ὁ χρυσὸς

λεγόμενος αἰγιαλός (DAI), др.-рус. **Бѣловережик**, ср. др.-инд. *rocá-* ‘сияющий, лучезарный’; *rosaná-* ‘светлый, сияющий’ [Кочергина, 1996, 548; Трубачев, 1999, 265–266]. Скорее всего, индоиранская основа **rōč-* была усвоена сначала финно-угорскими диалектами Поволжья (там она представлена и поныне), а затем прибалтийско-финскими.

Подводя итоги лингвистического анализа славянской топонимической архаики Новгородской земли, автор пишет следующее: «Примененный в работе комплексный подход, предусматривающий рассмотрение названий в стратиграфическом, этимологическом, словообразовательном, ареальном аспектах, в основном учитывал: 1) разнообразные особенности антропонимической и апеллятивной лексики, мотивировавшей топонимы; 2) специфику механизмов и средств топонимобразования; 3) древние фонетико-морфологические черты, «отпечатавшиеся» в топонимах; 4) характер межтерриториальных топонимических параллелей и эквивалентов» (с. 656–657). «Географические названия, образованные от антропонимов, в целом отчетливее и надежнее поддаются как обобщенной хронологизации, так и структурно-деривационной классификации, чем названия, произведенные от апеллятивной лексики» (с. 661).

Предпринятое В. Л. Васильевым исследование позволило реконструировать, систематизировать и охарактеризовать большое количество антропонимов, функционировавших в регионе Новгородской земли до конца древнерусского периода и позднее забытых. Списки выявленных архаичных позднепраславянских, древнеславянских, древнерусских антропонимов представлены на с. 658–660. Автор замечает повышенный, в сравнении с остальными регионами Славии, удельный вес различных имен с элементом *гост-* и, прежде всего, композитов на *-гость*, изолированных на общеславянском фоне (с. 661). Видимо, в культуре древнейших поселенцев это было одним из ключевых, наиболее значимых социальных понятий.

Обзор характерных фонетико-морфологических черт новгородской архаической топонимии дан на с. 667–670.

Раздел «Этноисторические заключения» (с. 670–683) в моем экземпляре книги перстрит заметками на полях.

Намеченный автором древний миграционный маршрут из Галиции и Волыни по рекам Верхнего Поднепровья в Приильменье (с. 671) оказывается в согласии не только с реконструкцией миграционного пути в обход Припятских болот О. Н. Трубачева, но и с общим миграционным вектором движения этнокультурной группы из ареала карпатских курганов через Волынь и Верхнее Поднепровье в Новгородскую землю по В. В. Седову. Галицко-Волынские земли выглядят либо исходной, либо транзитной областью для новгородско-западославянских и южнославянских изоглосс (с. 672–673).

Наиболее прочные лексико-семантические связи новгородских говоров с говорами южной ориентации (южно-псковскими, западно-тверскими, смоленскими, брянскими, витебскими, могилевскими) — очевидное, явное свидетельство того, что перед нами не что иное, как восточнославянское распространение кривичского происхождения. Тем самым, большая часть архаичной новгородской топонимии оставлена в эпоху восточнославянского языкового состояния VIII–IX вв.

В русистике и славистике это любопытное явление не получило внятного толкования. Гораздо ближе подошли к разрешению кривичско-восточнославянской корреляции археологи, которые констатируют широкое распространение кривичских древностей практически во всех историко-культурных областях будущей Древней Руси — от Гродно

до Рязани, отмечают все признаки ранней государственности кривичей, высокий уровень погребальной культуры [Седов, 1995, 229–238]. Я уже обращал внимание на высокую престижность лингвокультурной общности кривичей в глазах балтийских соседей, которые совокупно обозначали всю восточнославянскую общность хоронимом *Kriveja*, связывали с мифологическим родоначальником общности *Krive-Kriveito* учреждение культа Перуна [Кулаков, 1986, 140; 1990, 8; Шапошников, 2012]. Пора признать, что восточнославянское языковое состояние имеет реальную этнокультурную основу — общность кривичей VIII–IX вв. Все то, что объединяет современные восточнославянские языки и диалекты, что реконструируется как общетипическое в них, следует связывать с языком и диалектами общности кривичей.

В. Л. Васильев утверждает: «...Сам по себе факт довольно многочисленных новгородско-южнославянских топонимических и лексико-семантических изоглосс... препятствует признанию... балтийско-славянского, северно-лехитского, генезиса диалекта центральных районов Новгородской земли...» (с. 679). Имеются в виду, прежде всего, новгородские изоглоссы со словенским языком и диалектами чешско-словацкой подгруппы. Для себя замечу, что данное наблюдение позволяет приписать это топонимическое наследие в новгородском диалекте именно словенам, выходцам из славянской этнокультурной общности (первичный ареал археологической культуры ипотешти-кындешти). Может быть, этому диалекту можно приписать псковско-новгородские рефлексы праслав. *TъrT, TorT, TerT* в виде *TrъT, TroT, TreT*?

Напомню читающей публике, что в 500–550-е гг. появляется новая археологическая культура ипотешти-кындешти (Ипотешти близ г. Слатина и Кындешти близ г. Бузеу в Мунтени) в Молдове, Валахии и Банате, носители которой пришли из ареала пражско-корчакских древностей (с Восточных Карпат) и из ареала пеньковской археологической культуры. Причем синтез «венетской» и «антской» культур произошел уже в Молдове (Междуречье Днестра и Прута). В последней трети VI — первой трети VII в. эта общность была расколота и ввергнута в миграции аварами. Где обретались предки ильменских словен в VII–VIII вв., точно неизвестно (Галицко-Волынские земли?). Но миграция части этого этноса и освоение им Приильменя совпадало хронологически с периодом наибольшего распространения кривичских древностей VIII–IX вв. Около того же времени культура псковских длинных курганов трансформировалась в культуру новгородских сопок VIII–IX вв. [Седов, 1995, 238–246].

Остается пока без ответа вопрос о диалектной соотнесенности первых этнических групп позднепраславянского языкового состояния VI–VII вв. (ареал псковско-новгородских курганов). Я бы отнес к наследию этой самой ранней этнической группы топонимы, производные от личных композитных имен со вторым компонентом *-gost-* или *-mir-/mъr-*, особенно с явными скифско-готскими изоглоссными связями. Относился ли обсуждаемый диалект к венетской или антской группе, остается невыясненным. К сожалению, мы не знаем ни соответствующего этнонима, ни системных характеристик этого древнего диалекта. Не этому ли древнейшему диалекту позднепраславянского языкового состояния эпохи распада следует приписывать пресловутый рефлекс праслав. **dl* в виде **gl*?

Недостаточно исследованная археологическая культура псковских длинных курганов середины V–VII вв. необоснованно приписывается племенной общности словен. Эта первая из славянских миграционных волн на северо-восток в своем источнике определена

археологами ошибочно на основе аналогий германских пряжек Мекленбурга 1-й половины V в. [Седов, 1995, 211–217].

В заключение выскажу пожелание уважаемому автору взять на себя труд научно-популярного переложения своей фундаментальной монографии и выпустить более доступную широкому читателю книгу, подобную тем, которые издавались некогда АН СССР в серии «Человек и окружающая среда», ср. «Происхождение имен рек и озер» Р. А. Агеевой [1985].

Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М. : Наука, 1985.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь : около 30 000 слов. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка / под ред. В. И. Кальянова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Филология, 1996.

Кулаков В. И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь : (к 1 000-летию рус.-булгар. договора) : [сб. ст.] / АН СССР, Казан. фил. ; [редкол. : А. Х. Халиков (отв. ред.) и др.]. Казань : ИЯЛИ, 1986. С. 139–148.

Кулаков В. И. Древности пруссов VI–VIII вв. М. : Наука, 1990.

Максимович К. А. «Росские» и «славянские» названия днепровских порогов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»: новые этимологии // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Киев ; Москва : МГУ, 2006. С. 26–30.

Нидерле Л. Славянские древности. М. : Новый Акрополь, 1956.

Отин Е. С. Избранные работы. Донецк : Донетчина, 1997.

Отин Е. С. Топонимия приазовских греков : историко-этимологический словарь географических названий. Донецк ; Мариуполь : ДонГУ, 2000.

Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М. : Фонд археологии, 1995.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1–6) ; Ф. П. Филин (вып. 7–10) ; Д. И. Шмелев (вып. 11–14) ; Г. А. Богатова (вып. 15–26) ; В. Б. Крысько (вып. 27–). М. : Наука, 1975–.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М. : Наука, 1968.

Трубачев О. Н. Indoagica в Северном Причерноморье. М. : Наука, 1999.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / отв. ред. Н. И. Толстой. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Terra : Азбука, 1996.

Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999. М. : Наука, 2000. С. 192–199.

Шапошников А. К. Производные праславянского глагола *kyti // Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М. : Индрик, 2005. С. 432–444.

Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский // Студії з ономастики та етимології. 2007 / НАН України. Ін-т укр. мови ; ред. кол.: В. П. Шульгач (відп. ред.) та ін. Київ : Пульсари, 2007. С. 316–326.

Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский (европейская часть) // Вопр. ономастики. 2008. № 6. С. 18–36.

Шапошников А. К. Словарь коктебельского говора = Речник на коктебелския говор. Симферополь : Бизнес-Информ, 2009.

Шапошников А. К. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011 : сб. ст. / сост. Ю. А. Беляев. Симферополь : Универсум, 2011. С. 271–444.

- Шапошников А. К.* От антов, венетов и славян к восточнославянскому языковому состоянию (по данным этногенеза, ДНК-генеалогии, исторической ономастики и этимологии) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского : сб. ст. Междунар. науч. конф., 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И. М. Шеина, О. В. Никитин. Рязань : Изд-во Рязан. гос. ун-та, 2012а. С. 374–385.
- Шапошников А. К.* Несколько аргументов в пользу кельтской этимологии гидронима *Орава* // Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia. Prešov, 12.–14. Septembra 2011 / ed. M. Ološtiak (Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešoviensis 2012). Prešov : Grafotlač, 2012b. S. 227–230.
- Шафарик П. J.* Славянские древности / пер. с чеш. И. Бодянского. Т. 1. Кн. 2. 2-е изд., испр. М. : Въ Университетской Тип., 1847.
- Шульгач В. П.* Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ : Українська книга, 1998.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31) ; под ред. А. Ф. Журавлева (вып. 32–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- DAI — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik ; Engl. transl. by R. J. Jenkins. Budapest, 1949 ; Washington, 1967 (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. : Наука, 1991).
- Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974 / von Ž. Velkova. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1976.
- Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. The Hague-Wiesbaden. Vol. 17. 1973. № 1, 1–50.
- Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. Bd. 1–3. Graz : Akad. Druck-U. Verlagsanstalt, 1961–1962.
- Iord. — Iordanis Romana et Getica / recensit Th. Mommsen. Berlin, 1882. (MGH. Auct. antiquiss. T. 5, pars 1.)
- Majtán M., Rymut K.* Hydronimia povodia Oravy. Bratislava : Veda, 2006.
- MS — Mały słownik kultury dawnych słowian / pod red. L. Leciejewicza. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1990.
- Plin. — *Caius Plinius Secundus. Naturalis Historia in 37 libri* / transl. I. Hardvini et al. London : John Bostock, Taylor and Francis, 1668–1866.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern : Francke Verl. Bern und München, 1949–1959.
- Procop. — Procopii Caesariensis De Aedificiis / ed. J. Haury, and G. Wirth, with corr. and add. Lipsiae 1913. Leipzig : Teubneri, 1964.
- SC — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1 : Греческие писатели. СПб. : Тип. Акад. наук, 1890.
- Trávníček F.* Slovník jazyka českého. Praha : Slovanské nakl., 1952.

Рукопись поступила в редакцию 23.03.2013 г.

A. K. Shaposhnikov

V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
possidima@gmail.com

OLD SLAVIC TOPONYMY OF NOVGOROD

Review of: Vasilyev, V. L. (2012). *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Novgorod Slavic Toponymic Antiquities]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

The article reviews the book “Novgorod Slavic Toponymic Antiquities” by V. L. Vasilyev which studies the problems of structural typology, etymology and ethno-historical interpretation of Old Novgorod geographic names. The reviewer considers the book as being conceptual, profound, methodologically sophisticated, analyzing rich onomastic data and offering valuable and well-grounded etymologies. One of the most important results of the reviewed work is the reconstruction and systematization of multiple anthroponyms which were in use in Novgorod region until the end of the Old Russian period and later forgotten. The reviewer shares the author’s opinion that the archaic place names derived from anthroponyms, if compared with those derived from common names, provide the most reliable basis for generalized chronologization and ethno-historical interpretation of linguistic strata. Giving a high appraisal of the typological argumentation of V. L. Vasilyev’s etymologies, the reviewer, however, suggests the Slavic glosses be supplemented with other linguistic parallels: Germanic (for the names in *-mir-/mer-*, *One-/Ono-*), Celtic (for the toponymic stem *Velyn, Volyn*), Iranian (for the name *Khilovo*), Baltic (for the toponymic stem *Vodos-*) and others. The reviewer also suggests alternative motivational and etymological solutions for the names *Budogoshch, Zhdazherino, Imovolozhe, Seslavl, Utorgosh, Khuba, Chaslovitsa, Cheslovle*, etc.

Key words: Russian language, Novgorod Land, Old Novgorod toponymy, Slavic toponymic antiquities, toponymic etymology.

- Ageyeva, R. A. (1985). *Proiskhozhdenie imen rek i ozer* [The Origin of Lake and River Names]. Moscow: Nauka.
- Barkhudarov, S. G., Filin, F. P., Shmelev, D. N., & Krysko, V. B. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the 11–17th Centuries Russian Language]. (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Caius Plinius Secundus. *Naturalis Historia in 37 libri.* (1668–1866). London: John Bostock, Taylor and Francis.
- Detschew, D. (1976). *Die Thrakischen Sprachreste* [Remains of the Thracian Language]. (2nd ed.). Vienna : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften.
- Doerfer, G. (1973). Zur Sprache der Hunnen [The Language of Huns]. *Central Asiatic Journal*, 17(1), 1–50.
- Haurly, J., & Wirth, G. (Eds.) (1964). *Procopii Caesariensis De Aedificiis.* Leipzig: B. G. Teubneri.
- Holder, A. (1961–1962). *Alt-celtischer Sprachschatz* [Old Celtic Vocabulary]. (Vols. 1–3). Graz: Akad. Druck-U. Verlagsanstalt.
- Kochergina, V. A. (1996). *Sanskritsko-russkii slovar'* [A Sanskrit-Russian Dictionary]. (3rd ed.). Moscow: Filologiya.

- Kulakov, V. I. (1986). Stepye reministsentsii u rannesrednevekovykh sembov [The Steppe Reminiscences of the Early Medieval Semians]. In A. K. Khalikov (Ed.), *Volzhskaiia Bulgariia i Rus'* [Volga Bulgaria and Russia] (pp. 139–148). Kazan: IIAI.
- Kulakov, V. I. (1990). *Drevnosti prussov VI–VIII vv.* [Prussian Antiquities of the 6–8th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Latyshev, V. V. (1890). *Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Information about Scythia and Caucasus in Greek and Latin Writers' Works]. (Vol. 1). Saint Petersburg: Tip. Akad. nauk.
- Leciejewicz, L. (Ed.). (1990). *Mały słownik kultury dawnych słowian* [A Concise Vocabulary of the Ancient Slavs' Culture]. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Majtán, M., & Rymut, K. (2006). *Hydronimia povodia Oravy* [Hydronymy of the Orava River Valley]. Bratislava: Veda.
- Maksimovich, K. A. (2006). “Rosskie” i “slavianskie” nazvaniia dneprovskikh porogov v traktate Konstantina Bagrianorodnogo “Ob upravlennii imperiei”: novye etimologii [Russian and Slavic Names of Dnieper Rapids in Constantine VII Porphyrogenetos' book “De Administrando Imperio”: New Etymologies]. In *Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavianskoi kul'tury. IV Chteniiia pamiati akademika O. N. Trubacheva* [Northern Black Sea Region: Towards the Origin of Slavic Culture. The 4th Conference in Memory of Academician O. N. Trubachev] (pp. 26–30). Kiev; Moskva: MGU.
- Mommsen, Th. (Ed.). (1882). *Iordanis Romana et Getica*. (MGH, Auct. antiquiss., t. V, pars 1). Berlin: Apud Weidmannos.
- Moravcsik, Gy. (Ed.). (1949–1962). *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. Budapest: Pázmány Péter Tudományegyetemi Görög Filológiai Intézet; Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.
- Niderle, L. (1956). *Slavianskie drevnosti* [Slavic Antiquities]. Moscow: Novyi Akropol'.
- Otin, E. S. (1997). *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Donetsk: Donetchina.
- Otin, E. S. (2000). *Toponimiia priazovskikh grekov: istoriko-etimologicheskii slovar' geograficheskikh nazvanii* [Toponymy of Azov Greeks: A Historical and Etymological Dictionary of Geographical Names]. Donetsk; Mariupol: DonGU.
- Pokorny, J. (1949–1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. (Vols. 1–2). Bern: Francke Verl. Bern und München.
- Šafárik, P. J. (1847). *Slavianskie drevnosti* [Slavic Antiquities] (Vol. 1, part 1). Moscow: V Universitetskoi Tip.
- Sedov, V. V. (1995). *Slaviane v rannem srednevekov'e* [Slavs in the Early Middle Ages]. Moscow: Fond arkheologii.
- Shaposhnikov, A. K. (2000). Etimologicheskie nabliudeniia [Etymological Notes]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiiia. 1997–1999* [Etymology. 1997–1999] (pp. 192–199). Moscow: Nauka.
- Shaposhnikov, A. K. (2005). Proizvodnye praslavianskogo glagola *kyti [Derivatives of the Proto-Slavic Verb *kyti]. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Ad fontes verborum: Issledovaniia po etimologii i istoricheskoi semantike* [Ad fontes verborum: Works on Etymology and Historical Semantics] (pp. 432–444). Moscow: Indrik.
- Shaposhnikov, A. K. (2007). Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluostrova. Bospor Kimmeriiskii [The Oldest Onomastics of the Taurican Peninsula (Crimea). Cimmerian Bosphorus (Strait of Kerch)]. In V. P. Shulgach (Ed.), *Studii z onomastiki ta etimologii. 2007* [Studies in Onomastics and Etymology. 2007] (pp. 316–326). Kiev: Pul'sari.
- Shaposhnikov, A. K. (2008). Drevneishaia onomastika Tavricheskogo poluostrova. Bospor Kimmeriiskii (evropeiskaia chast') [The Oldest Onomastics of the Taurican Peninsula (Crimea). Cimmerian Bosphorus (Strait of Kerch, European Part)]. *Voprosy onomastiki*, 6, 18–36.
- Shaposhnikov, A. K. (2009). *Slovar' koktebel'skogo govora = Rechnik na koktebel'skiia govor* [A Dictionary of Koktebel Dialect]. Simferopol: Biznes-Inform.
- Shaposhnikov, A. K. (2011). Slovar' drevneishei onomastiki Tavricheskogo poluostrova [A Dictionary of the Oldest Crimean Toponymy]. In Yu. A. Beliaev (Ed.), *Toponimika Kryma 2011* [Crimean Toponymy. 2011] (pp. 271–444). Simferopol: Universum.

- Shaposhnikov, A. K. (2012a). Ot antov, venetov i slavian k vostochnoslavianskomu iazykovomu sostoianiiu (po dannym etnogeneza, DNK-genealogii, istoricheskoi onomastiki i etimologii) [From Antes, Veneti and Slavs to the East Slavic Language (According to Ethnogenesis, DNA-Genealogy, Historical Onomastics and Etymology)]. In I. M. Sheina, & O. V. Nikitin (Eds.), *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe iazykoznanie* [I. I. Sreznevsky and Russian Historical Linguistics] (pp. 374–385). Ryazan: Izd-vo Riazan. gos. un-ta.
- Shaposhnikov, A. K. (2012b). Neskol'ko argumentov v pol'zu kel'tskoi etimologii gidronima *Orava* [Some Arguments in Favor of the Celtic Etymology of the Hydronym *Orava*]. In M. Ološtiak (Ed.), *Jednotlivé a všeobecné v onomastike. 18. slovenská onomastická konferencia. Prešov, 12.–14. Septembra 2011* [Individual and Common in Onomastics. The 18th Slovene Conference of Onomastics. Prešov, 12–14 September 2011] (pp. 227–230). Prešov: Grafotlač.
- Shulgach, V. P. (1998). *Praslov'ians'kii gidronimnii fond (fragment rekonstruktsii)* [Proto-Slavic Hydronymic Stock (A Fragment of Reconstruction)]. Kiev: Ukraïns'ka kniga.
- Trávníček, F. (1952). *Slovník jazyka českého* [A Dictionary of the Czech Language]. Prague: Slovanské nakl.
- Trubachev, O. N. (1968). *Nazvaniya rek Pravoberezhnoy Ukrainy* [River Names of the Right-bank Ukraine]. Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N. (1999). *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea Region]. Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N. (2002). *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian: Lingvisticheskie issledovaniia* [Ethnogenesis and Culture of Early Slavs: Linguistic Research]. (2nd ed.). Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N., & Zhuravlev, A. F. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond* [An Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Word Stock]. (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Saint Petersburg: Azbuka.